

Руки плохого не помнят

Наш земляк Егор Сачков единственный из братьев вернулся с той страшной войны

КОГДА началась война, Егору Сачкову было 16 лет, образование — целых четыре с половиной класса, зато знал всю крестьянскую работу. После раскулачивания их семья оказалась в Богатовском районе Куйбышевской области. Семья была многодетная, но не сказать, что бедствовали: Сачковы — народ рукастый и в колхозе «Красный восток» были на хорошем счету. Память Егора Ивановича трепетно сохранила именно те довоенные воспоминания как самые лучшие, самые светлые. Волжское раздолье, богатая на рыбу река Самарка, грибные леса, работа в поле пусть и до изнеможения, но еще все живы и здоровы, еще не пахнет смертью. А Егор — первый парень на деревне: хоть косьба, хоть молотьба, ему все удастся. А еще у него чуб пшеничный и гитара семиструнная. У других-то пацанов балалайки, а у него красавица-гитара, на которой сам и научился играть. И самое главное — вся жизнь впереди, в которой столько всего надо успеть. В юности будущее видится такой красивой бесконечностью.

До наших самарских мест фронт не добрался, но война пришла в каждую семью. С первых дней началась мобилизация, в каждом доме уже заранее был собран вещмешок с сухарями, кружкой, ложкой — для отца, для сына, для брата. К вечеру в село приезжала машина, народ как раз с работы возвращался, собирали всех кругом и зачитывали список тех, кому предстояло идти в армию. Первыми ушли на фронт старшие братья Егора, ни один потом не вернулся.

В январе 1943 года пришел черед идти на фронт и Егору Сачкову. Оставались одни больные мать с отцом, а он, последний их кормилец, уходил сражаться. «Мне не столь страшно было, сколь обидно, что ли, жалко было оставлять их одних и немощных», — говорил потом Егор Иванович. С такой занозой в сердце и уехал. (Когда вернулся, узнал, что мать умерла прямо на крыльце, отец, мертвый, долго лежал в огороде. Похоронить было некому.)

Его и сотни его ровесников 1925 года рождения привезли под Кузнецк, здесь готовили пехоту. Длинные землянки — одна на целую роту. Привезли юнцов ночью, приказ — спать, а в землянках еще чужим теплом пахнет, только-только отправили на фронт чуть натасканных солдат, а тут уже новеньких привезли. Военный беспощадный конвейер.

Учили армейскому мастерству с раннего утра до позднего вечера, да так,

что сил хватало разве что доползти до землянки, бросить шинель под бок и свалиться в сон. Так или иначе, но на фронт Егор Сачков отправился сержантом.

— Тогда нам впервые выдали автоматы, — вспоминал Егор Иванович. — До этого были только винтовки. Сами понимаете, что это за оружие. Раз стрельнешь — мимо, другой — мимо. К тому же патронов постоянно не хватало. А тут сразу столько огня...

Но пришлось Сачкову побывать и снайпером. Возле Кировограда наши стояли около трех месяцев — ждали подкрепления. И не давал им покоя неутомимый немецкий пулеметчик, устроившийся так хитро, что ну никак его пулей не подцепишь. Днем, пока бои, фашиста не слышно, не видно, а ночью тот задает жару, наших солдат много повалил. Вычислили его наши, но как приструнить? Между пулеметчиком и нашим расположением голое поле, снегом припорошенное, видно все на километры. Командир роты дал Егору Ивановичу задание: подстрелить гада.

— На верную смерть тогда меня послали, — вспоминает Сачков. — Дали снайперскую винтовку: в Кузнецке я здорово научился стрелять. Выкрасили ее белым мелом, оптический прицел перемотали бинтом. Двести метров полз по полю. Потом окопался в снегу и целый день ждал. Как зайчонок, сидел в сугробе, трясясь от страха и холода. Кого только не вспомнил и не помянул за это время. Дело-то какое: или он тебя, или ты его. А фашиста с пулеметом я уже видел, он так хитро устроился, удобную треногу под пулемет сладил. Считай, глаза в глаза сидели друг против друга. Только он меня не видел. Пока светло, стрелять было никак нельзя: немцы сразу же вычислили бы. Так и просидел сугробом дотемна. Мне повезло. Когда стемнело, я подстрелил немца, вернее, сначала ножки подбил у треноги, тут он и сам вывалился под пулю. Пополз обратно к своим, ребята меня как героя встретили, качать начали меня, подбрасывать. Хвалили за смелость, а я сам еще не понял, живой или нет, намерзся в поле до озноба.

За фашистского пулеметчика Егору Сачкову была награда. За ней еще и еще: медаль «За отвагу», орден Великой Отечественной войны.

В Бессарабии опять смерть чудом обошла его стороной: пуля прошла ниже виска, только ухо задела и щеку обожгла. Во время перестрелки с нем-

цами буквально на несколько секунд он высунулся из-за кустов винограда — и тут на тебе, шальная пуля. Столько было крови из простреленного уха — страх. Егор Сачков тогда не на шутку испугался: «Пытаюсь встать — не получается. Думаю, главное — не потерять сознание, а то немец подползет и прикончит меня. Хорошо, что товарищ был поблизости, помог мне». Потом опять ранения: серьезно ранило в руку, затем в ногу.

Служил в армии до 50-го года. Один раз за это время съездил домой, уговорил в госпитале отпустить его в родное село — с родителями попрощаться. И не только. Соседи ему сразу намеки стали делать: тут рядом девчонка хорошая живет, Лида, не упустить, женись. Не упустил, женился, дальше служить уехал. Вернулся в колхоз и принялся за старое доброе крестьянское дело — хлеб растить. Вместе с ненаглядной Лидой подняли на ноги пятерых детей. Несколько лет назад Егор Иванович схоронил жену и себе металлическое фото на памятник приготовил. На нем он молодой, удалой, с медалями-орденами, с пшеничным чубом, от которого ничего уже не осталось...

— С памятью что-то у меня творится, не все помню. Иной раз пойду в магазин и не могу вспомнить, зачем пошел, — жаловался Егор Иванович. Но вот достал гитару, струны подкрутил да как ударил по ним, да как запел чай-тешки с душистым матерком, тут уж мама не горюй, все оказалось при памяти.

— Ну вот, Егор Иванович, а говорите, ничего не помню. На гитаре-то он как зажигаете...

— Так это ж руки, они плохого не помнят, а в голове уже все не помещается, — отвечал Сачков. — А война та, зачем она была? Ты вон спрашиваешь, что самое страшное было. Так сама война и была страшной. Сколько человек погибло, сколько домой вернулось инвалидами. На мне вот живого места нет: где ранение, где контузия. После фронта и волос на голове не стало: испугались расти.

Нет теперь Егора Ивановича, фронтовика, мастерового человека и жизнелюба. Он вот на плохую память жаловался — ему можно. Нам нельзя. Нельзя забывать ветеранов, которые оставили нам свободную от фашизма страну. Они свое великое дело сделали, а уж как Россию нынче развернет — забота нашего поколения. А это сейчас трудно — быть достойными памяти наших отцов и дедов.

Галина Плотникова